

Делегатом VII съезда писателей СССР был известный советский поэт Евгений Винокуров, автор многочисленных стихотворений и статей о литературе, участник Великой Отечественной войны. Творчество поэта широко известно. В нашей стране нет человека, который бы не знал его стихов про «Сережку с Малой Бронной...», ставших песней. Ее любят и поют уже 27 лет. И всякий раз с новой силой она волнует своей искренностью, простотой, обаянием. Так мог написать только человек, который сам прошел войну.

После 9-го класса школы, будучи совсем еще мальчишкой, поэт добровольцем ушел на фронт. Сначала в артиллерийское училище, а после окончания его — на 4-й Украинский фронт. Войну окончил в Силезии в городе Обер — Глогау, стоявшем на Одере. По окончании войны еще около года участвовал в боевых действиях в Западной Украине против оставшихся в лесах и горах националистических отрядов (бендеровцев).

У Евгения Михайловича 12 правительственных наград, из них 5 орденов. «Дороже всех мне, — говорит он, — боевая медаль за освобождение Польши «Одер — Балтик — Нейсе». С Польшей связано больше всего воспоминаний».

Воспоминания о прошедшей войне, размышления о мире, бытие, вечности, добре и зле — вот тот широкий круг тем, который отличает творчество поэта.

В письме, написанном буквально накануне смерти и оставшемся незаконченным, Корней Чуковский писал: «Дорогой Евгений Михайлович! Я уже месяц лежу больной и мне запрещено писать письма, но мне хочется хотя бы в трех словах выразить вам горячую свою благодарность за ваш драгоценный подарок. Мне читали ваши стихи как роман, подряд страница за страницей — и мне казалось, что я слушаю автобиографию или дневник человечнейшего из русских людей...».

«Дорогому Евгению Михайловичу, так умеющему дать нам в стихах и прозе особенный свет своих размышлений и чувств — так редко кто в нашем веке. С радостью, что вы есть и с пожеланием здоровья, долголетия, духовных сил и покоя...» — написала Анастасия Цветаева в дарственной надписи своих «Воспоминаний», опубликованных совсем недавно в журнале «Москва».

И наша беседа началась с воспоминаний:

— Евгений Михайлович, вы были на войне солдатом. А кто такой — солдат?

— Это человек, в котором сочетается, с одной стороны, общая высокая готовность завтра же умереть, отдать жизнь за высокий принцип, с другой стороны, лукавая предприимчивость, в частности.

Причем эти два свойства не противоречат друг другу, а наоборот, как бы предполагают друг друга. Ибо без одного из них солдат невозможен.

В солдате заключается как бы Дон Кихот и Санчо Панса.

— Вы помните свое прибытие на фронт?

— Да. Мы стояли навтыж-

ку, пять стриженных наголо младших лейтенантов, свежих выпускников артиллерийского училища. На мне была очень широкая в ворота гимнастерка, толстая, скрипящая и негнущаяся португеза, пустая кобура на боку, в каждый мой сапог могли бы войти вполне две мои ноги. Мне было семнадцать лет, но от постоянных недоеданий двух первых лет войны мне вполне можно было бы дать лет шестнадцать, пятнадцать.

Писарь, заполняя анкету, спросил:

— Ваша фамилия, имя, отчество? Год рождения?

Я ответил. Я стоял, задержав дыхание, по стойке «смирно». Писарь поднял голову:

— Откуда прибыли?

Мрачный капитан с бакенбардами, прохаживающийся по комнате мимо невзрачного офицерского пополнения, с презрительной улыбкой ответил за меня:

— От мамы...

Расскажите о каком-нибудь случае.

— На войне смерть на каждом шагу, даже тогда, когда ее совсем не ждешь... Вот об одном таком случае я и расскажу.

Наш артиллерийский полк перебрасывали через осенние Карпаты из Польши в сторону Венгрии. Ночевка была на перевале, высоко в горах. С утра должен был быть спуск вниз.

Я сел на рассвете рядом с шофером и мы поехали. Вначале я ничего не замечал. Примерно через полчаса, когда мы были высоко на перевале, я увидел, что мой водитель как-то странно падает на руль. Машину стало резко бросать из стороны в сторону.

Мы летели по спирали вниз без тормозов, со свистом. Солдаты выли от страха вверх, в кузове машины. Пушку, прикрепленную неподвижно «стрелой» за шкворень, заносило далеко в сторону над пропастью. Внизу были карпатские город-

Талант — это количество, — сказал в своем дневнике Ренар. Умение постоянно вызывать в себе рабочее настроение есть большая творческая победа писателя.

Что же касается моих собственных рабочих секретов, то пишется мне не тогда, когда у меня абсолютно «дневное» сознание, и не тогда, когда сознание спит, — лучше всего работает, когда находишься в промежуточном состоянии: между бодрствованием и сном, когда видишь некое «сновидение» наяву.

Когда такое состояние приходит, тогда и бывают удачи. Я заранее уже по своему состоянию знаю, будет удача или нет. Чем глубже такое состояние, тем неожиданнее получаются стихи. Концовка стихотворения должна удивить самого автора, лишь тогда она удивит и читателя. Но прежде, повторяю, сам автор должен изумиться.

У лирического поэта лириче-

В работе не жалея сил, Веселую весной Я уголь блещущий грузил На станции одной.

А было мне семнадцать лет Служил я в артполку,

Я в легкой ватник был одет, Прожженный на боку.

Я целый день лопатой скреб, Я греб, углем пыля, И были черными мой лоб И щеки от угля.

Я запахом угля пропах, Не говорил, не пел, Лишь уголь мелкий на зубах пронзительно скрипел.

Когда ж обедал иль когда Я чай из банки пил, То черною была вода И черным сахар был.

С лицом чумазым, средь трудов,

Я рад был той весне.

Но девушки из поездов Не улыбались мне.

Вдаль улетали поезда, Как в фильме иль во сне, Мелькнут, и только следа — Дымок на полотне.

Хотелось крикнуть что есть сил:

Постойте, поезда!

Постойте! Я ведь не любил На свете никогда!

Вы прочитали стихотворение «Уголь». За жизнь мне пришлось много покопать земли — и в армии, и в годы войны. Так ли уж важно, что именно угля я не грузил? На мой взгляд, это не существенно. Важно, что на мою долю выпало немало трудностей, грубой солдатской работы. Это достоверно, это подлинно. Но уголь дал мне возможность сильнее, ярче выразить мою мысль. Именно уголь нужен мне был для создания картины психологического состояния солдата.

Главное в стихотворении — это ощущение того факта, мысль, вызванная фактом. А сам факт — всего лишь орудие для пережитого чувства, лишь средство для более убедительного донесения того, что пережито.

— Евгений Михайлович, сейчас на киностудии «Мосфильм» готовится к съемкам фильм «По закону военного времени», одним из авторов которого вы являетесь. С чем связан ваш приход в кинематограф? Расскажите об этой работе.

— Сценарий фильма написан по военным материалам. Большая часть жизненного материала, огромное количество наблюдений, фактов, подробности быта, детали не вмещаются в стихи. У меня уже есть начало моей прозаической работы: короткие новеллы о войне. Недавно в журнале «Октябрь» была опубликована моя повесть «По закону военного времени». По ней мы с моим соавтором молодым и исключительно талантливым поэтом Николаем Арсентьевым и написали сценарий фильма. Режиссер фильма Игорь Слабневич.

Это попытка по-новому осмыслить военные события, подвести под философскую категорию. В этом фильме будет показана судьба московских мальчишек, ушедших на войну, оборонявших Москву...

Одним из героев этого фильма будет сама Москва, Москва довоенная и военная, которую вы знали, любили и защищали.

Беседу вела М. АРБУЗОВА, студентка факультета журналистики МГУ.

Встреча с интересным человеком

ТОЛЬКО ВДОХНОВЕНИЕ...

— Что дал вам фронт?

— Фронт очищает и углубляет.

Мы вернулись промытые в воде, прожженные в огне, продутые ветрами. Армия — это школа, это и равенство, и это и иерархия. Идея начальника и подчиненного — одна из глубочайших идей. Она улеглась в наши души.

На войне я был и подчиненным, и начальником, мной командовали и я командовал. Я жил беспечно по принципу «солдат спит, служба идет», и я же отвечал за батарею, я могу сравнить и то, и то состояние. И скажу прямо мне несравненно трудней пришлось тогда, когда я был начальником.

Когда я был солдатом, я ленился рыть лопатой под снегом и дождем. Но когда стал командиром, я даже рвался взять в руки неположенную мне лопату, чтоб хоть на минуту забыть от непомерной ответственности, постоянно давившей на меня, это была как бы беспомощная попытка уйти на миг от вечных командирских дум не о себе, о других, в беззаботный мирок солдатской индивидуальности.

На фронте я понял простую связь между приказывающим и исполняющим. Особенно остро я это чувствовал, может быть, потому, что за спиной моей была только парта в девятом классе «Б», а моим подчиненным было под тридцать и под сорок лет.

День фронта стоил годы. Мои одноклассники пришли назад, когда им не было еще и двадцати одного года. А за спиной их уже было без малого четыре года училищ, военных лагерей, казарм, госпиталей, фронтовых землянок. За спиной уже было несколько европейских стран, служба в послевоенной армии, голод, болезни, ранения.

С фронта выносишь мысль, что все слова пусты, кроме того, что называется — самодисциплина. Человек, неподчиняющийся самому себе, пропал. Нищи вокруг, нищи в себе. Не сваливай на внешние обстоятельства. Точка опоры внутри тебя.

— Евгений Михайлович, часто ли вам приходилось быть на войне в смертельной опасности?

ки с торчащими вверх церквушками.

Больше всего я боялся испугаться. Наконец, наша машина «Шевроле» встала. Шофер, шатаясь вылез из кабины, открыл капот и с ключом в руке, упав на теплый мотор, затык. Бледные солдаты стали выпрыгивать из кузова.

Как выяснилось потом, в моторе сломался палец поршня.

Это было на окраине карпатского городка — Тухолька.

— Наверное, чтобы стать поэтом, надо многое познать в жизни, и прежде всего самого себя. Как вам пишется? Поделитесь, пожалуйста, своими секретами.

— Прямо скажу, что вникать в собственную творческую психологию — дело очень рискованное, чересчур уж интимное. Всегда как-то с опаской касаешься проблем, связанных с этой довольно таинственной и запутанной областью. Как-то неприятно углубляться в смутный и трудноуловимый внутренний процесс. Хотя чужие секреты творческого самоанализа для меня интересны и полезны. Здесь есть чему поучиться, есть что учесть, тем более, что свои навыки и приемы находишь, как правило, ощущую, мучительно, вслепую. Зачастую их и вовсе не осознаешь в полной мере.

И все же каждый писатель должен сам отыскать свои секреты, находить свои импульсы и ощущения, необходимые в работе. Чужой опыт хорошо, но обычно он в меньшей мере помогает, чем свой, пусть даже и очень скромный. Всегда приходится эмпирически искать и выработать приемы и навыки в работе. Так и должно быть, единых правил нет. Да и очень уж неопределенны, неуправляемы и случайные моменты творческого настроения — воодушевления. И поэтому найти свой закон, свою систему — это значит обеспечить свою «продуктивность», научиться управлять «неуправляемой» областью. Думаю, что тот, кто откроет «закон продуктивности», кто поставит себя на более или менее прочные рельсы в этом хаотичном и рациональном деле, тот побеждает как художник.

ский герой — это в основном сам автор. Следовательно, поэт должен хорошо знать самого себя, то есть своего лирического героя. Более того, надо чтобы сам поэт в своих глазах был в какой-то мере героем. Поэт, который считает себя незначительным, ничтожным явлением, не может быть для себя лирическим героем — ему нужно переходить в другие более объективные жанры. Хотя я почти уверен в том, что любой эпос нуждается в некоем, хотя бы невидимом присутствии авторской личности, чье обаяние и значительность должны сказаться в том, что описывается.

Я считаю, что писать надо в состоянии вдохновения или хотя бы возбуждения. Вынужденное писание стихов прививает привычку к ремесленничеству, воспитывает мастеровитость, умелость, натрелость.

Сочиняя без волнения о том, о сем, можно создать одни ремесленнические поделки. И только вдохновение дает возможность безошибочно ориентироваться в явлении, отделять главное от второстепенного, находить в бесконечном множестве событий и вещей те, которые имеют ценность.

О своих навыках добавлю еще то, что я никогда не сочиняю стихи за письменным столом — здесь я их только записываю. Главное, чтобы в голову пришла строка, а если она пришла, стихотворение можно написать где угодно: в кино, на концерте, в поезде.

Если я попадаю в гостиницу, в незнакомый город, и мне там не с кем поговорить, я начинаю писать. У японцев есть выражение: «Уйти в консервную банку». То есть отыскать для работы место, где можно находиться в полной изоляции, порвав привычные связи с миром.

Мой способ найти рабочее состояние (чтобы не говорить высокопарно — вдохновение) куда-нибудь уехать, «уйти в консервную банку».

— Что есть главное в стихотворении? Объясните, пожалуйста, на примере одного давнего вашего стихотворения, которое я, признаюсь, очень люблю. Я напомним вам его: